

Глава 5

Шэнь Юй уплетал яичный пудинг.

Он пристально следил за тем, как Лян Фэнся его готовила: два яйца, немного воды — и вот уже готова целая миска нежного, тающего во рту лакомства. Аромат стоял такой, что слюнки текли. От горячей еды по телу разлилось приятное тепло, юноша даже слегка вспотел. Стало так хорошо и покойно, что хотелось замурлыкать.

«Эх, сейчас бы ещё в горячую ванну... тогда жизнь и вовсе стала бы сказкой»

Парень откинулся на спинку табурета, блаженно смакуя послевкусие.

«Если бы ещё пару капель кунжутного масла добавить, было бы совсем идеально»

Сяо Цзяяо, специально пристроившийся рядом со своей миской, дождался, пока брат закончит, и принялся демонстративно и громко прихлёбывать, стараясь задеть Шэнь Юя.

Тот не обратил на него ни малейшего внимания. Он даже зевнул — после сытной еды нестерпимо потянуло в сон. Тело было слишком слабым, его нужно было выхаживать и беречь.

Ранее Сяо Цзяяо закатил истерику, не желая делиться «семейными вкусностями». И так же, как Шэнь Юй не мог поднять руку на старуху Сяо, он не мог всерьёз спорить или читать нотации пятилетнему ребёнку. Поэтому он просто подставил под удар Лян Фэнся.

Мать тогда совсем растерялась. Сначала её прижал к стенке свёкор, а следом — старший сын, который прежде всегда был тише воды ниже травы.

Слова старика Сяо она ещё могла признать — действительно, когда-то она это говорила. Но то, что наплёл Шэнь Юй... Она в жизни подобного не произносила! Она привезла сына в город, чтобы он жил в достатке, как она могла говорить ему такие гадости?

Юноша, разумеется, знал, что буквально она этого не говорила. Но она постоянно внушала это прежнему Шэнь Юю иносказательно. Жаловалась, как ей тяжело в этом доме, как неродные дети её не любят, а муж потакает детям от первого брака. Описывала своё положение как сущий ад, чтобы приучить сына к послушанию. Она заставляла его делать всю работу по дому, помогать с Сяо Цзяяо и «укреплять родственные узы», чтобы в будущем он безропотно принёс себя в жертву ради младшего брата.

По сути, это было то же самое. Шэнь Юй не считал, что лжёт — он просто отбросил шелуху и озвучил самую суть её манипуляций.

Лян Фэнся чувствовала себя незаслуженно обиженной, но не могла подобрать слов. Эта внезапная атака застала её врасплох. Прежний образ сына как угрюмого и простодушного парня слишком глубоко засел в умах, и даже старик Сяо и Сяо Цзяньшэ не верили, что юноша мог выдумать такое на пустом месте. Они были уверены: мать что-то шептала ему за их спинами. Послушать её — так она намеренно вбивала клин между Сяо Цзяяо и его старшими братом и сестрой?

В тот момент взгляды обоих мужчин Сяо стали весьма недобрыми.

Учитывая, что семья Сяо сегодня и так «прославилась» на весь квартал, старик Сяо сдержался и не стал раздувать скандал, но в душе взял Лян Фэнся на карандаш.

Яйца для Шэнь Юя были приготовлены незамедлительно. Старик Сяо не мог взять свои слова назад на глазах у всех соседей, так что даже вопли любимого внука не помогли.

Пока мать готовила пудинг, она то и дело бросала на сына взгляды, полные обиды, упрёка, недоумения и немного вопроса.

А что Шэнь Юй?

Юноша не сводил глаз с её рук. Он всерьёз опасался, что она от злости подбросит в еду что-нибудь лишнее — хотя бы кусочек яичной скорлупы, чтобы испортить ему удовольствие.

В конце концов, он ещё не был совершеннолетним, и Лян Фэнся оставалась его матерью и законным опекуном. Содержать его — её прямая обязанность. Если бы она была безработной домохозяйкой на иждивении мужа, Шэнь Юй бы ещё понял. Но она получала более сорока юаней зарплаты, а с премиями и надбавками выходило больше пятидесяти. Неужели при таком доходе, даже имея младшего баловня, она не могла выделить копейки на лишнее яйцо для старшего сына?

Шэнь Юй не собирался быть таким же наивным, как его предшественник. К чему это смирение? Лян Фэнся растила того парня почти до совершеннолетия, и теперь, когда юноша занял его место, он не мог просто так разорвать кровные узы. В будущем ему всё равно придётся заботиться о её старости — это долг, от которого не уйти ни по закону, ни по совести.

Раз уж ему суждено содержать её в будущем, то сейчас, пока он мал, есть и пить за её счёт — дело само собой разумеющееся. Что же касается уровня её обеспечения в будущем, то он наверняка будет зависеть от стандартов, по которым Лян Фэнся растила прежнего Шэнь Юя, с поправкой на уровень жизни в то время.

Едва Шэнь Юй доел пудинг, подоспел и основной обед.

Сяо Цзяхуэй и Сяо Цзясинь учились в старшей и средней школах соответственно. Заведения

были неблизко, а перерыв — коротким, поэтому они брали еду с собой. Дома же оставались трое работающих взрослых, которым после обеда снова нужно было за станок, так что трапеза должна была быть сытной.

Старуха Сяо, гремя связкой ключей, сначала отперла дверь в свою спальню, затем шкаф внутри неё. Достав немного риса, она нарезала в котелок картофель и приготовила картофельный рис на пару. К такому блюду полагался густой и наваристый рисовый отвар, который подали в большой миске.

Шэнь Юй послушно пристроил свой табурет у стола. Старуха Сяо, всё ещё помня обиду за те восемь яиц, тут же вскинулась:

— Ой, поглядите-ка! Какая семья прокормит такого прожору? Сожрал восемь яиц и всё ему мало?!

Юноша молча перевёл взгляд на главу дома и прошептал едва слышно:

— Я не ел два раза подряд.

Старик Сяо нахмурился и осадил жену:

— Замолчи. Садись есть.

Грудь старухи Сяо вздымалась от ярости. Она злобно зыркнула на Шэнь Юя, затем с силой толкнула локтем сидящую рядом невестку, вымещая зло, и принялась раскладывать еду.

Первые порции достались старику Сяо и Сяо Цзяньшэ — в их мисках почти не было картофеля, один чистый рис. Маленький Цзяяо получил такую же порцию, только в миске поменьше.

Затем она наложила себе и Лян Фэнся. Старуха взяла себе больше риса, а невестке насыпала пополам с картошкой. Обычно Лян Фэнся кормили наравне со свекровью, а иногда и лучше — всё-таки она была кормилицей и работала на заводе. Но сегодня, чувствуя за собой вину, она лишь молча и покорно опустила голову.

Для работающего мужчины одной миски риса всегда было мало, поэтому в котле оставалось ещё порядочно еды, вот только состояла она почти из одного картофеля. Старуха Сяо, даже не коснувшись риса, придирчиво выбрала самые крупные куски картошки и бухнула Шэнь Юю полмиски.

Старик Сяо едва не поперхнулся. Жена совсем не знала меры! Раз уж парень за столом, положила бы хоть ложку риса сверху для приличия. Эта гора картофеля выглядела просто издевательством. Если Шэнь Юй снова поднимет шум, обед будет окончательно испорчен.

Но юноша на этот раз промолчал. Напротив, он кротко произнёс:

— Дедушке, дяде и маме нужно работать, они — опора нашей семьи. Пусть кушают рис, а мне и картошечки хватит. И отвара немного выпью.

Прежний Шэнь Юй слишком долго голодал, его желудок съёжился, а пищеварение ослабло. После яиц и утреннего батата он и так чувствовал себя почти сытым. Сейчас наваристый рисовый отвар был для него лучшим решением — и питательно, и для желудка полезно.

Старик Сяо посмотрел на него с подозрением. Неужели парень просто сорвался от голода во время болезни, а теперь снова пришёл в норму? Раньше он никогда не был таким словоохотливым.

Лян Фэнся думала о том же, но в её душе росла обида. «Раз так проголодался, почему мне не сказал? Я бы хоть полмиски каши с утра тебе оставила!»

Шэнь Юю было плевать на их мысли. Он не собирался задерживаться в этом доме. Скоро совершеннолетие, и за это время ему нужно было скопить денег, чтобы при первой возможности съехать.

Он сосредоточенно принялся за картофель.

Кусочки картошки, запечённые на дне котелка на дровяном огне, были покрыты хрустящей золотистой корочкой, а внутри оставались нежными и рассыпчатыми. Даже без приправ это было объедение.

«Эх, если бы сюда ещё немного копчёного мяса нарезать, чтобы жир пропитал и картошку, и рис... было бы просто божественно!»

Прикончив картофель, он потянулся за рисовым отваром. Старуха Сяо не стала мешать, и юноша налил себе полную миску.

Риса варили много, поэтому отвар получился густым и тягучим. Каждый глоток наполнял рот нежным ароматом зерна. Выпив одну миску, он добавил ещё половину — в этой пустой жидкости не было ни крупинки риса, так что пить её ему не запрещали.

Остальные члены семьи решили, что Шэнь Юй просто разок взбунтовался, а теперь, остыв, снова струсил, поэтому не смеет брать нормальную еду и довольствуется малым. Внимание к нему снова угасло.

Старуха Сяо уже всю придумывала, как проучить наглеца, который сегодня так её опозорил. Старик Сяо, заметив выражение её лица, только вздохнул. Он решил вечером серьёзно поговорить с женой. Даже кроткий кролик кусается, если его прижать к стенке, и

сегодняшний случай был тому примером. Они и так содержат этого мальчишку несколько лет, так стоит ли мелочиться из-за пустяков и давать соседям повод для сплетен? Куда разумнее проявить внешнюю щедрость. Тогда и парень будет благодарен, и репутация семьи останется безупречной.

Немного подумав, он обратился к Шэнь Юю:

— Вчера ты вернулся поздно, и я не успел спросить... Почему ты был весь промокший до нитки? Опять с одноклассниками повздорил?

Юноша опустил голову и тихо ответил:

— Нет... Одноклассница в реку упала, я её вытаскивал.

Тогда он вернулся весь мокрый, и его только отругали. Никто — даже родная мать — не спросил, что случилось, только ворчали, что он испачкал одежду. Он остался без ужина, не смог помыться горячей водой, а в конце октября ночи уже холодные. К полуночи у прежнего Шэнь Юя начал подниматься жар. То, что он вообще выжил, было чистой удачей.

Старуха Сяо мгновенно наострила уши:

— Одноклассник или одноклассница?

Шэнь Юй набрал в грудь побольше воздуха и так сильно затаил дыхание, что лицо его густо покраснело:

— Од-одноклассница...

— Девчонка! — Глаза старухи азартно блеснули. — Ой, батюшки! Мать Цзяяо, ты только глянь! Твой-то уже в реку за девчонками прыгает!

Лян Фэнся как раз мыла посуду на кухне в конце общего коридора. Услышав вопль свекрови, она вздрогнула и, даже не вытерев рук, бросилась назад. Она и не заметила соседей, которые, пообедав, высыпали в коридор в ожидании свежих сплетен. Ох, и весёлый же денёк сегодня выдался у семейства Сяо!

— Ну же, рассказывай! Что за девчонка? Я её знаю? Кто родители? Где работают? — Теперь старуха Сяо забыла про вражду, сгорая от любопытства.

Шэнь Юй молчал, не поднимая глаз. Лян Фэнся влетела в комнату, и лицо её было бледным. Старуха, не дождавшись ответа от парня, принялась в красках пересказывать ей новости.

Мать побелела как полотно. Шэнь Юй украдкой взглянул на неё и внутренне усмехнулся.

Он прекрасно понимал, о чём она думает. Своё прошлое с Шэнь Аньминем она хранила в строжайшей тайне от семьи Сяо, лишь туманно упоминая о вынужденном браке в деревне. Прежний Шэнь Юй знал о страхах матери, к тому же она с детства вдалбливала ему правила осторожности. Поэтому, спасая ту девушку, юноша не проронил ни слова, храня эту тайну в глубине души, чтобы не навредить бедняжке.

И дело было не только в горьком опыте матери. Юноша был влюблён в ту девушку и не хотел, чтобы на её имя легла хоть тень подозрения или дурной славы.

А что в итоге?

Он молчал, боясь выдать её, а девушка сама всё разболтала, в слезах жалуясь парню, который ей нравился.

<http://bllate.org/book/15805/1422542>